

Юлия Демиденко —

историк костюма, ведущий
научный сотрудник
Государственного Русского
музея, куратор.

«Женщины, достигшие известного возраста...»:

ВОЗРАСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОДА В XIX ВЕКЕ

(по материалам отечественных журналов
мод и пособий по хорошему тону)

Тема статьи подсказана круглым столом «Мода и возраст», организованным Ольгой Вайнштейн и Ксенией Гусаровой в ИВГИ РГГУ, а ее название — хорошо известной отечественным историкам костюма книгой «Уменье хорошо одеваться», вышедшей в 1914 году в библиотеке «Журнала для хозяек»¹. Сочинение французской обозревательницы мод Мари-Анн Леро (Marie-Anne L'Heureux), сотрудничавшей, в частности, с журналом «Фемина»², входило в целую серию книг для дам, публиковавшихся в библиотечке журнала: Pour bien connaitre les usages mondains (1910), Pour bien s'habiller (1911), Pour bien tenir sa maison (б.г.)... Все они были выпущены под общей редакцией Леро и, вероятно, составлены ею. Книжка эта примечательна не только потому, что ей посвятила свое исследование Ольга Вайнштейн (Вайнштейн 2020). Это единственное издание «Фемин», переведенное на русский язык, и понятно почему: на 1910-е годы оно представляло

собой, вероятно, наиболее полное пособие по составлению дамского гардероба, рассчитанное на достаточно широкий круг читательниц и содержащее своего рода универсальные советы.

Заимствованная для названия статьи цитата из книги — эвфемизм для обозначения пожилых женщин, общеупотребительный в начале XX века. Он не раз использовался и в вышедшем в 1912 году издании «Женщина дома и в обществе»: «когда достигают „известного возраста“, достигнув „известного возраста“» (Женщина дома 1912). Главное, что он включает ключевое для нашей темы слово — «возраст». Существует немало исследований, посвященных социальной идентичности костюма вообще и модного костюма в частности, гендерной, этнической, сексуальной и прочим идентичностям³. Крайне редко в этот перечень попадает именно возраст. Как справедливо заметила Джулия Твигг, одна из главных на сегодняшний день специалисток по возрастной идентичности, представление об идентичности в костюме крайне редко распространяется на возраст по причинам как «геронтофобии культурологов», так и связи «индустрии моды с молодостью» (Twigg 2009). Исследователи моды и костюма явно стесняются темы возраста, а если и посвящают ей внимание, то применительно преимущественно к современной ситуации, вынужденно констатируя таргетированные маркетинговые стратегии в разных секторах модной индустрии...

Между тем любопытно разобраться, когда собственно родилась идея возрастного упорядочивания гардероба, следы которой отчетливо читаются, например, в художественной литературе, в романах Ивана Тургенева или Чарльза Диккенса, где пожилые люди неизменно связываются с модой ушедших времен, темными цветами, особыми видами одежды (халат, салоп, домашний чепец и домашний колпак), подчеркнутой скромностью костюма и прочим. Опыт читателя и исследователя подсказывает особую важность в этой теме XIX столетия.

Фокус на XIX столетии вызван сопоставлением материалов этого века с предыдущей эпохой — XVIII веком. Принято считать, что костюм и мода XVIII столетия не имеют ни четких возрастных ограничений, ни определенных возрастных ниш. Эта точка зрения вполне определенно артикулирована в исследованиях, посвященных живописному портрету XVIII века. В них обращается внимание на то, что дети трактуются живописцами как уменьшенная копия взрослых, а старики и старухи демонстрируются во всем блеске придворной моды — с декольте и в обтягивающих панталонах, мало соответствующих возрасту. Неслучайно одна из статей, посвященных русскому детскому портрету, так и называется — «Маленькие взрослые»

Модная гравюра
к Journal
des Demoiselles.
1859 (возраст
персонажей
обозначен
сюжетом)

(Майборода 2020). В качестве примеров обычно приводят портреты юных царевен — дочерей Петра I или же парные портреты Сарры и Уильяма Ферморов работы И.Я. Вишнякова... При внимательном же взгляде оказывается, что это общее убеждение не вполне соответствует действительности. В XVIII веке особый костюм, напоминающий свободное платье, отличает совсем маленьких детей даже мужского пола. По литературе хорошо известен европейский обычай ношения девочками-царевнами платьев с крылышками, которые в определенном возрасте обрезают, что знаменует переход в следующую возрастную группу. А французские костюмные картинки⁴ XVIII века фиксируют и начало появления детской моды. В частности, в известной сюите *Galérie des modes et costumes français...* (1778–1787) имеется две гравюры с детским костюмом. Подписи к другим картинкам этой серии обозначают самый важный возраст эпохи: молодая девушка, молодая дама, молодая женщина. «Все хотели быть молодыми», — отмечает Е.В. Киреева (Киреева 1976: 114). В этом смысле XVIII столетие сходно с XX — категория пожилых и тем более

старых отсутствует в понятийном аппарате изданий, связанных с модой и светской жизнью.

Для анализа выбраны два бурно развивавшихся в XIX веке жанра литературы о моде — журналы мод и пособия по этикету (под этим названием объединены всевозможные пособия по искусству одеваться, «быть элегантными», по хорошему тону и прочему, где даются какие-либо советы). Быстрое и интенсивное развитие этих двух жанров подсказывает, что должно происходить очевидное разграничение разнонаправленных интересов читательской аудитории. В самом деле, уже заголовки журналов демонстрируют внимание, сконцентрированное на столь разных вещах, как мужская мода, дамская мода, детская мода, мода для молодых девушек, мода для портных, мода для модисток и прочие: *Le Conseiller des dames et des demoiselles*, *Le Journal des Dames et des Demoiselles*, *Le Journal des coiffeurs*, *Journal*

Модная гравюра к *Journal des Demoiselles*. 1881 (возраст персонажей обозначен костюмом)

Модная гравюра
к Illustrirte
Frauen-Zeitung.
1883 (возраст
персонажей
обозначен
костюмом)

des Demoiselles, Le Journal des enfants, Les Modes de Paris, Journal des tailleurs...

Иллюстрированные журналы мод в XIX столетии переживали свой расцвет, о чем свидетельствуют неуклонно возрастающие от начала к концу века тиражи и число самих изданий, в первую очередь французских. Общее число названий такого рода журналов во второй половине столетия доходило до 250. Помимо них, существовали и национальные (немецкие, русские, испанские, польские и другие) версии журналов, представлявшие прямой перевод, но чаще — компиляции и пересказы материалов французских изданий (в России ближе к концу XIX столетия — также и немецких). В подавляющем большинстве случаев все они выходили с приложением французских модных картинок.

Параллельно росту числа журналов мод наблюдалось и увеличение количества издаваемых пособий по «хорошему тону». Примем это

общее понятие, за которым скрываются весьма разнообразные публикации с изложением правил этикета, сохранения красоты, рецептов помад и кремов, написания писем и приглашений и тому подобное. Многочисленные издания и, что важнее, переиздания пособий по хорошему тону явились отражением общей демократизации жизни, огромных социальных подвижек, которые привели к массовому появлению новых категорий населения, оказавшихся в так называемом «обществе» не по праву рождения, а в силу власти денег, образования, чрезвычайно развившегося института государственной службы и масштабного частного предпринимательства. Это парвеню и разночинцы, к которым надо добавить еще одну важную категорию — провинциалы в столицах и вообще больших городах, стремительный рост которых — верный признак столетия, равно как и зарождение и развитие явления, которое позже будет обозначено как массовый туризм. Подобного рода феномены носили интернациональный характер, недаром большинство русских сборников хороших манер, вне зависимости адресованы они мужчинам или женщинам, — род переводных изданий, под которым в XIX столетии понимали не столько прямой перевод, сколько достаточно произвольный пересказ. Широко тиражируемые правила и нормы предназначались именно для тех, кто не мог получить все эти сведения в кругу семьи, впитать с молоком матери или же приобрести по наследству от знатных и богатых родственников. «Лучшей школой... следовало бы признать разумное домашнее воспитание и усвоенную в семейном кругу привычку ко всему, что называется „хорошим тоном“», — полагал автор одного из таких изданий (Благовоспитанная женщина 1895: 2). Постепенный отход от домашнего образования и широко укоренившаяся практика отдавать детей в пансионы оставляли вопросы воспитания (в число которых, несомненно, входил и выбор подходящего к различным ситуациям платья) без необходимого домашнего контроля. Недаром все подобные пособия адресованы именно молодым, о чем красноречиво говорят их названия: «...Наставления молодым дамам и девицам...», «Советы молодым дамам и девицам...», «Советы молодым мужчинам, холостым и женатым...». Кому же еще давать советы?

Появление в изданиях разных возрастных категорий, их изменение с течением времени, их вариативность характерны именно для XIX века, а причины этих изменений тесно связаны с переменами в общественной жизни. Названия журналов расширяют известные по пособиям возрастные группы, их уже три: дети, девушки, дамы. Как уже отмечалось, стало общим местом утверждение о рождении в XIX веке детской моды, которое нередко связывают с эпохой

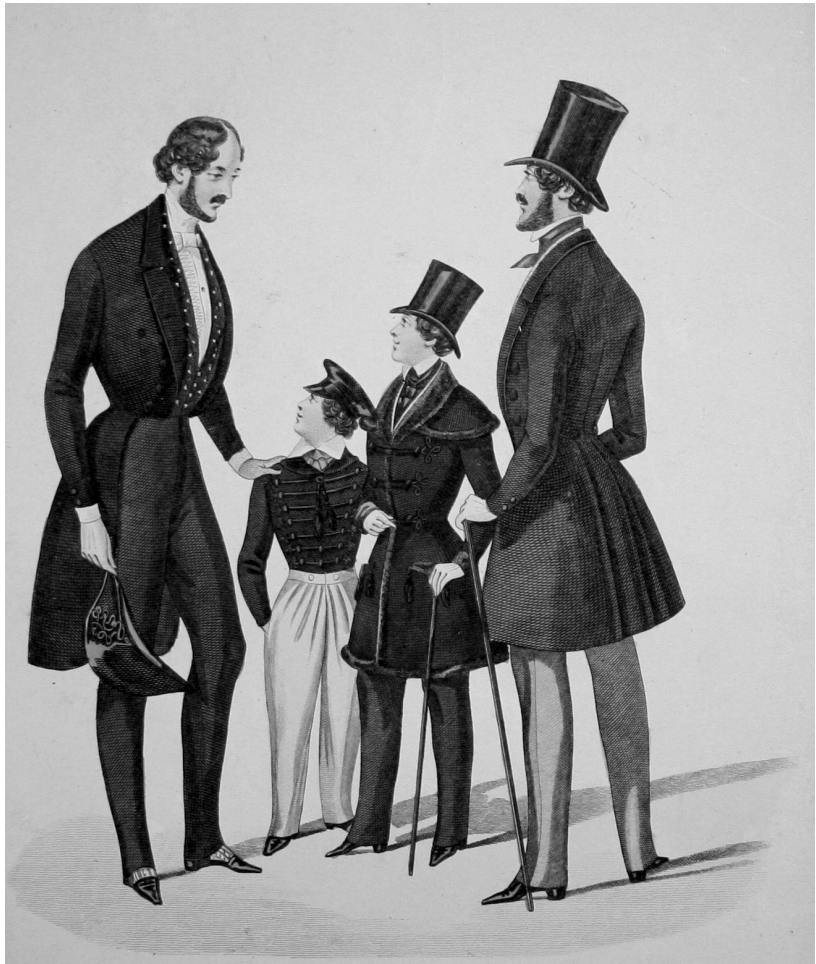
Три возраста.
Модная гравюра
к журналу Le Bon
Ton. 1840

романтизма... В самом деле, детский возраст уже в XVIII веке начинал привлекать все больший интерес, но детский костюм сохранял многие черты взрослого и был по-своему неудобен, так как задача его — дисциплинировать тело и душу. Известные нам сегодня его отличия от взрослого платья связаны с постепенным развитием представлений о гигиене и воспитании. Рациональная часть XVIII столетия за них ответственна больше, чем пышная барочная. Эта тенденция во многом сохранялась и позднее — детский костюм на протяжении всего XIX века отличался от взрослого в тех немногих чертах, которые свидетельствовали об эволюции представлений об особенностях детской анатомии и физиологии: костюм девочек — в первую очередь длиной юбки, а мальчиков — шириной штанов. Она явно прослеживается в модных картинках

1840–1850-х годов, где дети появляются главным образом в окружении взрослых и лишь очень редко — в гравюрах, специально посвященных детской моде. В опубликованном на русском языке в 1906 году пособии «Как должны одеваться девочки» немецкого врача-гигиениста Юлиуса Кребса все внимание сосредоточено исключительно на гигиенических соображениях: тесных подвязках, узких перчатках и тугих корсетах, которых нужно избегать, по мнению автора, в любом возрасте. По мере приближения конца столетия детский костюм все больше и больше приравнивался к особенностям возраста, так что в 1880–1890-х он уже очень заметно отличался от взрослого. Упомянувшееся выше «Искусство одеваться» включало целый раздел, озаглавленный «одежда маленьких девочек». Одновременно образцы детской одежды, в градациях от нарядов для младенцев до платья для подростков, занимали все больше места как на страницах журналов мод и светской жизни, так и в журналах, выпускавшихся в помощь домашним портнихам. Наконец, неслучайно в XIX веке появляются сугубо специализированные издания, посвященные детской одежде, — парижские *Le Journal des enfants* (1832–1897) и в особенности *La Toilette des enfants* (1865–1874).

Однако интереснее всего в этот период дамская мода, но о дамах какого возраста идет речь? В журналах мод со второй половины века выделялись два типа изображений — гравированные или литографированные, а в конце столетия и отпечатанные с типографских клише, картинки на отдельных листах и иллюстрации в тексте. Соответственно имелось и два типа текстов — подпись к картинке и собственно текст — статьи, заметки, обзоры мод и прочее. Эти последние порой довольно близко примыкают к пособиям, недаром пособия, выходявшие в качестве приложений к журналам или формировавшие их «библиотечку», как правило, и составлялись на основе журнальных материалов. Показательна подпись к одной из гравюр, служивших приложением к журналу *Le Bon Ton* за 1840 год. Она изображает трех женщин и на нижнем поле помимо традиционных надписей с названиями туалетов и адресами поставщиков имеет еще и название, притом весьма симптоматичное: *Les Trois Ages* — «Три возраста». Насколько мне известно, это одна из первых в европейской практике модных картинок с названием⁵, четко обозначившая проявившуюся в те годы тенденцию — создавать из картинок к журналам мод не просто демонстрацию платья и аксессуаров, но своего рода занимательный рассказ, позволяющий изобразить также разнообразные предметы обстановки, домашних животных, какие-то занятия и в том числе — отношения между персонажами, например семейные.

Модная гравюра
к журналу Le Bon
Ton. 1840 (детская
одежда копирует
взрослую, однако
штаны мальчиков
существенно
свободнее)

В частности, на упомянутой картинке изображены юная девушка, молодая женщина и дама в возрасте — как можно предположить, внучка, мать и бабушка...

Какие бы слова ни содержали тексты, характер изображений в модной иллюстрации исключает прямые указания на возраст — дефекты фигуры, морщины, поредевшие волосы и прочее. По этой причине понять, какого возраста персонажи, представленные на картинках, невозможно, однако в связи с усилением повествовательного начала в изображениях во второй половине столетия в картинках появляется все больше косвенных признаков, позволяющих расставить персонажи по определенной возрастной лестнице. Наличие малюток-детей говорит, что перед нами молодая мать; костюмы для конфирмации и подвенечные платья предполагают, что показана опять же семейная

Слева направо:
 Костюм молодой дамы.
 Юная девушка в платье-полонез.
 Костюм девушки.
 Детская мода.
 Гравюры из серии Galerie des modes et costumes française...

сцена — совсем юные девушки или девушки на выданье с мамашей и так далее. Так что в модной картинке XIX столетие предлагает все большее возрастное разнообразие модных предложений, все большее число возрастных ниш, оказывающихся в фокусе внимания как профессионалов — мастеров иглы или парикмахерских инструментов, так и общества, структура которого все более и более усложнялась.

То же самое заметно и в текстах. Провести границу, отличающую пособия по хорошему тону для мужчин от аналогичных, но предназначенных женщинам, довольно легко как раз по упоминанию возраста. «Мужские» пособия обходятся без подобных ссылок (слово «молодой» в заголовках, обозначающее адресата, исключение), тогда как «женские» неизменно используют возрастные категории, а ближе к концу столетия даже четко различают «женщин молодых» и «женщин пожилых». Простые подписи к картинкам в журналах мод на протяжении всего XIX века обходились без упоминаний о возрасте, совсем как это принято в современных журналах, просто игнорирующих подобную категорию. Иное дело — обзоры мод, существующие в этот период в самых разных видах и жанрах: от описаний картинок до развернутых текстов, затрагивающих самые разные стороны жизни, обладающих к тому же в ряде случаев несомненными литературными достоинствами. Недаром раздел мод наличествовал в любом уважающем себя журнале, включая «Вестник Европы» и «Современник», а в числе обозревателей были Иван Гончаров, Иван и Авдотья Панаевы. Напомним, что Панаеву принадлежал и оригинальный жанр модного эссе — в виде пародийного романа («Великая тайна одеваться к лицу»).

Со второй половины столетия в журналах появляется все больше текстов, имеющих явную просветительскую, если так можно выразиться, направленность, то есть рассказывающих о том, что и как можно и нужно носить, а что — категорически нет. Эти рекомендации

связывают с представлениями не только о вкусе и элегантности, но и о... возрасте. И именно все вместе они и образуют понятие хорошего тона.

По традиции, как мы уже видели, берущей начало в XVIII веке, в журналах первой половины XIX столетия особо выделялись лишь две возрастные категории — молодые девушки и молодые женщины. Но к середине века появляется и еще одна — пожилые, которых чаще всего обозначают самыми разными эвфемизмами, среди которых «средний возраст», «известный возраст», «почтенный возраст», женщины, «переступившие известную грань, за которой кончается радостная молодость» и тому подобное. Именно эти три возраста, обозначенные на гравюре 1840 года, — юный, молодой, средний — составляют основные категории моды XIX века. Судя по журналам мод, ситуация от начала к концу столетия менялась достаточно быстро и в очевидном направлении. Так, например, в выпусках «Модного магазина» за 1866 год молодые девушки и женщины упоминались 27 раз, тогда как пожилые — только три. В 1882 году журнал «Модный свет» 100 раз упомянул молодых, тогда как пожилых — семь раз. В 1895 году — молодых по-прежнему 100 раз, а пожилых — уже 26. Ориентация журнальных материалов на молодых девушек более чем понятна — это и сегодня возраст наиболее частой смены нарядов, а в XIX веке поиск партнера (жениха, будущего супруга) напрямую сопряжен с разнообразием гардероба, позволявшим оценить не одну красоту избранницы, но и доходы семьи в целом, следовательно размеры приданого. Примитивный количественный подсчет упоминаний молодых и пожилых обнажает важную тенденцию: сама категория возраста играет все большую роль в мире моды, и все больше внимания привлекают пожилые женщины.

Более того, анализ журнальных текстов показывает, что от начала к концу столетия появляется все больше нюансов в определениях возрастных групп: девушки или девицы, молодые девушки, очень молодые девушки; молодые женщины (дамы) и очень молодые женщины. Журнал «Модный магазин» в 1860-х выделяет молодых девушек, очень молодых девушек, молодых дам (к ним он обращается чаще всего), пожилых дам и зрелых женщин. Возможно, что и многочисленные заменители слова «пожилая» тоже представляют собой некие тонкие, неуловимые сегодняшним читателем градации одной возрастной категории. В текстах появляются «наши матери и бабушки», «стареющие женщины» и даже «старые» (!)... Все эти характеристики присутствуют как в описаниях моделей, так и в обзорах мод и в подписях к изображениям в тексте: «пожилые женщины

Модная гравюра к Journal des Demoiselles. 1850 (возраст персонажей обозначен сюжетом)

всегда кажутся хорошо одетыми, когда...», «молоденькие девушки не носят блесок, последние больше идут к женщинам лет сорока», «стеклярус идет к дамам более пожилым и старым», «лента украшения молодости» и прочее.

Само появление новой возрастной категории имеет, как представляется, несколько причин. Одной из первых должно быть названо увеличение средней продолжительности жизни. «Успехи „охотников за микробами“, которые шли по пути, проложенному Дженнером, улучшение условий жизни, благоустройство населенных пунктов, распространение правильных гигиенических представлений, развитие медицинского образования и рост числа врачей — все это привело к тому, что во второй половине XIX века смертность наконец оторвалась от своего традиционно высокого уровня и стала снижаться, а продолжительность жизни — расти», — заключает известный социолог Анатолий Вишневский (Вишневский б.д.).

Помимо общей углубленной стратификации европейского общества, интерес к пожилым женщинам был своего рода данью традиции: к концу 1860-х — началу 1870-х постарели недавние «иконы стиля», инфлюэнсеры — императрица Евгения, Паулина фон Меттерних, Вирджиния ди Кастильони. Подобно французским Людовикам они самим своим существованием регулировали французскую, следовательно, европейскую моду. Но если Людовик XIV сам фактом своего долгого пребывания на троне санкционировал смену «модных» возрастов, послушно следовавших за стареющим королем, влияние посланниц моды второй половины XIX столетия было не столь всеобъемлющим. Однако их ослабшего авторитета было вполне достаточно, чтобы вопросы возрастного гардероба заняли 10% журнальных страниц.

Одновременно женщины интеллектуального труда (в их числе авторы, художницы, издательницы и редакторы журналов мод) успевали добиться успехов, вступив, как правило, в третий возраст. Медленно, но верно растущее влияние пожилых дам в обществе обеспечивало и внимание к костюму «почтенного возраста». На это определенно указывает то, что, в отличие от беллетристики, пропагандировавшей возрастную аккуратность и скромность, модная литература в один голос настаивала на особенно дорогих материалах и вообще на том, что «дешевое не идет к почтенному возрасту». Более того, в отдельных случаях мода для пожилых претендовала на то, чтобы стать всеобщей: «Не думайте однако, что будущие моды хороши будут только для бабушек — напротив, молодые женщины от них еще более выиграют».

Тексты большинства отечественных журналов мод представляли компиляции статей из французских, немецких или австрийских журналов с некоторыми авторскими ремарками и замечаниями, имеющими отношение к локальной модной сцене. На этом фоне более содержательными обзорами с оригинальными текстами и порой — с авторской интонацией выделялся «Модный магазин» Софьи Мей. Издательница-редактор старательно учила своих подписчиц при выборе костюма учитывать как цвет лица или волос, особенности фигуры и рост, так и — возраст. В числе постоянных рекомендаций журнала — «иметь только платья подходящие к возрасту».

Тема возраста вообще громко звучала на страницах журнала: «Относительно соответствия туалета с возрастом той, которая его носит, трудно провести точные грани: в былое время легко можно было определить возраст женщины по ее костюму. В 30 лет они одевались так, как в 20, а в 40 — так, как в 30. В настоящее время все изменилось. Благодаря уловкам кокетства и, главным образом,

следованию правилам гигиены, женщина кажется молодой, когда ей уже далеко за 40. Женщин „средних лет“ не существует, есть только старые и молодые...» В другом месте прямо указывается на необходимость возрастной моды: «Разумеется, стиль одежды изменится: теперешний Луи XV незаметно перейдет в пышный и дорогой костюм XVII века: жанр президент заменит жанр Вагто, Помпадур, Камарго и пр. Мода решила наконец подумать о всех женщинах — не об одних двадцатилетних».

Что же включалось в понятие костюма, подходящего возрасту? Целая система норм, правил и представлений, смысл которых сегодня не всегда понятен, но, очевидно, был хорошо знаком современникам. Существовал целый ряд самых общих рекомендаций, которые и по сей день можно встретить в книгах полезных советов, например простота — лучшее украшение молодости... И параллельно — подробнейшие советы, касавшиеся как костюма в целом, так и отдельных его частей, в которых в ряде случаев прослеживается понятная логика — скрыть приметы возраста. Причем это касается как пожилых женщин («женщины, достигшие известного возраста, никогда не должны носить капота без корсета», «великолепный покрой жакета не дает определить возраст», то есть скрывает утратившую былые формы фигуру...), так и молодых. Совсем юным девушкам категорически запрещались декольте, ибо им «нечего еще показывать», они не имеют еще красивой развитой груди, зато предлагались костюмы и прически, позволявшие демонстрировать точеные девичьи шеи... Ситуация разительно изменилась по сравнению с 1820-ми, когда глубокое декольте было обязательным для бальных нарядов дебютанток, в том числе для Натальи Гончаровой, начавшей выезжать в неполные 16 лет. Другие советы, не менее категоричные, не имеют логичных объяснений: «отделка из бизэ или в виде ряда пуговиц... к девушкам не подходит»...

В целом примерно с 1860-х складывается хорошо структурированная система костюмных кодов, менявшихся с годами. В их числе: виды костюмов; материалы — ткани, меха, виды кружев; различные отделки; длина; форма декольте; форма рукава и тому подобное. Тот же капот считался неподходящей домашней одеждой для девушек. Специально оговаривались допустимые цвета и виды тканей для повседневных, вечерних и городских (уличных) туалетов: для пожилых более плотные и тяжелые материи; для девушек — более легкие. Девушки не должны были носить никаких кружев, кроме кляуни и валансьен, а из мехов — только белку и черного или серого барашка, шиншилла считалась вызывающей роскошью, тогда как пожилые дамы с 1870-х

могли позволить себе и соболя, что к началу следующего столетия стало считаться слишком нескромным...

Довольно точным возрастным маркером оказалась длина юбки. С 1840-х маленькие девочки носили короткие платья, открывавшие ногу чуть ли не до середины икры. Юным девушкам тоже рекомендовались «короткие» юбки, то есть открывающие обувь. Зрелым дамам — юбки в пол или приоткрывающие носок туфель, тогда как пожилым — самые длинные, подол которых не просто доходил до пола, но даже расстирался по нему... Добавим к этому, что из костюмов пожилых дам исключались большие декольте, платья, обрисовывающие фигуру, иными словами, все, что могло служить «соблазну», то есть любой намек на сексуальность... Разумеется, эти костюмные коды были достаточно подвижны и сильно зависели от моды, что и фиксируют соответствующие журналы.

Систематизация и дальнейшее изучение возрастных костюмных кодов не только могут оказаться полезными для исследователей гендера и феминистских практик, истории костюма и общественной жизни, но и имеют шансы быть примененными при атрибуции произведений искусства для установления возраста или семейного положения персонажей, а также — в практике художников по костюму — для характеристики героев.

Литература

Благовоспитанная женщина 1895 — Благовоспитанная женщина, или Уменье держать себя с тактом дома в обществе. СПб.: Изд. Г. Гоппе, 1895.

Вайнштейн 2020 — Вайнштейн О. «Уменье хорошо одеваться». Вестиментарные императивы эпохи модерна // Укрощение повседневности. Нормы и практики Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Вишневецкий б.д. — Вишневецкий А. Как увеличилась средняя продолжительность жизни за 100 лет. postnauka.ru/wtf/154805.

Женщина дома 1912 — Женщина дома и в обществе. Настольная книга для женщин, содержащая все необходимые указания и практические советы, относящиеся к домашней и общественной жизни женщины. М.: Товарищество провизора А.М. Остроумова, 1912.

Киреева 1976 — Киреева Е. История костюма. Европейский костюм от античности до XX века. М., 1976.

Майборода 2020 — Майборода О. «Маленькие взрослые»: Детский портрет XVIII века // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. 2020. № 1. С. 26–32.

Burroughs 1992 — Clothing and Social Identity // Clothing and Textile Research Journal. 1992. September. www.researchgate.net/publication/247782668_Clothing_and_Social_Identity/link/556f6f7608aeab7772288142/download.

Crane 2001 — Crane D. Fashion and its social agendas: class, gender, and identity in clothing. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Twigg 2009 — Twigg J. Clothing, Identity and the Embodiment of Age // Powell J., Gilbert T. (eds) Aging and Identity: A Postmodern Dialogue. N.Y.: Nova Science Publishers, 2009. research.kent.ac.uk/caa/wp-content/uploads/sites/2290/2017/12/Clothing-Identity-and-the-Embodiment-of-Age.pdf.

Примечания

1. «Журнал для хозяек и женская жизнь» — женский журнал, выпускавшийся в Москве с 1912 по 1917–1926 гг. (с перерывом на 1919–1921 гг.). Е.А. Лобановой. Рассчитанный на широкую аудиторию, журнал, помимо множества практических советов по домашнему хозяйству, моды, поддержания здоровья и красоты, включал и статьи по «женскому вопросу». В качестве приложения имел периодическое издание «Для наших детей», а также — отдельные брошюры и книги по темам журнала.
2. *Femina* — влиятельный женский журнал, выходивший в Париже в 1901–1954 гг. (первоначально — дважды в месяц). С первого выпуска позиционировал себя как журнал «для дам и молодых девушек» с выраженной феминистской повесткой. Иллюстраторами и авторами обложек выступали известные художники: Альфонс Муха, Жорж Барбье, Пьер Марти и другие. В числе авторов были Марсель Пруст и Поль Маргеритт, Шарль Донно и Жюль Кларети. Хронику мод вела Мари-Анн Леро.
3. Например, *Crane 2001* или *Burroughs 1992*, автор которой приводит обширную библиографию, посвященную этой теме.
4. Костюмная картинка — устоявшийся термин, как и модная картинка. Разница между ними состоит в том, что первые изображают костюм отчасти ретроспективный, даже если речь идет о буквально прошлом годе, и ведут начало от гравированных костюмных книжек XVI–XVII веков, тогда как вторые — актуальную моду.
5. Во Франции практика давать названия модным картинкам не была регулярной, тогда как популярный американский журнал *The Godey's Lady's Book* (1830–1898) часто снабжал французские картинки или же копии с них развернутыми подписями, пояснявшими сюжет, или же фрагментами воображаемого диалога персонажей.